

В.Н. Коковцов

Из моего прошлого
Воспоминания 1903-1919. Том I.

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В11

- В.Н. Коковцов**
В11 Из моего прошлого: Воспоминания 1903-1919. Том I. / В.Н. Коковцов – М.: Книга по Требованию, 2020. – 360 с.

ISBN 978-5-458-44802-4

Автор этой книги - В. Н. Коковцов пришел к большой власти в качестве министра финансов в 1904 году, когда Россию, только что потерпевшую неудачу в русско-японской войне, начали сотрясать надвигавшиеся события 1905 - 1907 гг. Совмещая, после убийства П. А. Столыпина, должности премьера и министра финансов до 1914 года, Коковцов проявил осмотрительность, высокий профессионализм, безупречную порядочность и в тяжелых условиях обеспечивал стабильность экономики и сбалансированность бюджета страны. Его весьма содержательные воспоминания сосредоточены на главных политических вопросах того времени и запечатлели портреты ведущих деятелей страны, включая Николая II, Александру Федоровну, Витте, Столыпина и др.

ISBN 978-5-458-44802-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

только последнюю порою моей жизни и {6} деятельности на родине, так как за эту пору я был не только свидетелем, но и деятелем моего времени и несу за нею известную ответственность.

Я не пишу историю моего времени. Я говорю только о том что было при мне и при моем непосредственном участии. Я составляю, так сказать, путевой журнал пройденного мною пути, и в нем я останавливаюсь перед отдельными явлениями встреченными мною на моей жизненной дороге, и даю им фотографический снимок, без ретуши и, тем более, без всякой попытки осветить их искусственным светом.

Я старался избегать всякого рода обобщений и широких выводов. Единственное, от чего я не хотел отойти в моем рассказе ни на минуту, это — от того, чтобы всегда говорить правду, одну правду, но за то и — всю правду.

Отсюда, по необходимости, все мои Воспоминания окрашены чисто личным освещением. В этом их большой недостаток, но за то, быть может, и некоторое достоинство.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**На посту Министра Финансов до
моего первого увольнения.**

1903 -1905.

Отставка С. Ю. Витте и назначение Управляющим Министерством Финансов Э. Д. Плеске. — Обстоятельства, при коих состоялась, неожиданная для Витте, его отставка. — Болезнь Э. Д. Плеске и мое участие в бюджетной работе 1903 г. — Первые слухи о порче отношений с Японией. — Нападение на Порт-Артур и начало войны. — Мое назначение Управляющим Министерством Финансов.

Лето 1903-го года, как и лето предыдущего года, когда я только что был назначен на должность Государственного Секретаря, мы проводили у себя в деревне близ ст. Веребье, Николаевской железной дороги. Я собирался в начале августа поехать в Гомбург, куда должна была приехать к концу моего там пребывания жена, и мы должны были вместе съездить на две недели в Париж, перед тем чтобы окончательно вернуться в город на зиму. Время шло в деревне, как всегда, мирно, беззаботно. Государственный Совет был закрыт и ничто не нарушало того идеального покоя, который был так дорог после 6-ти трудных лет моей службы на должности Товарища Министра Финансов.

Готовясь к отъезду за границу, я приехал на несколько часов в город и зашел в Государственный Банк к моему другу Э. Д. Плеске, чтобы узнать от него, не могу ли я навестить в тот же вечер на даче в Парголово его и его семью, с которою я был также дружен и даже, пожалуй, еще боле близок, чем с ним самим. Мы условились с каким поездом мне лучше всего поехать, но сам он не мог поехать одновременно со мною, так как был позван на обед к Министру Финансов С. Ю. Витте.

Я собирался было уже ехать на Финляндский вокзал около 5-ти часов, как раздался телефонный звонок с дачи Витте, и м-м Витте, от имени мужа и своего просила меня {9} непременно обедать у них, сказавши, что мужу очень хочется видеть меня, и он обрадовался, узнавши от Э. Д. о моем приезде из деревни.

Зачем именно понадобилось позвать меня на обед, я так и не понял, потому что никаких особых разговоров со мною не было, и я уехал оттуда довольно рано, одновременно с Плеске, торопившимся к себе на дачу, и очень сожалел о том, что я не попал в Парголово, так как на следующий день в три часа я выехал обратно в деревню.

Если я упоминаю об этом обеде у Витте, то только потому, что все разговоры за столом вертелись исключительно около намеченной Витте поездки его с семьею, в половине августа, на Черноморское побережье, на его дачу около Сочи, и он не раз упрекал меня за то, что я не имею дачи на побережье, так как там, по его словам, настоящий рай, — не то что «в Вашей любимой загранице», как выражался он, утверждая, что терпеть не может поездок на Запад. Затем, не раз Витте касался всевозможных вопросов, застрявших в Государственном Совете, просил меня помочь двинуть их в самом начале сессии, намекал на его постоянные трения с Министром Внутренних Дел Плеве, и решительно ничто не говорило за то, что он собирается покидать Министерство.

На утро Э. Д. Плеске позвонил ко мне по телефону, чтобы передать сожаление его семьи по поводу того, что я не был у них вчера, и прибавил: «смотри, как бы тебя не вытащили из твоего прекрасного далека».

На вопрос мой, что это значит, он мне сказал только: «у нас много говорят о том, что будет скоро большая перемена, и кому же как не тебе

возвращаться на старое пепелище». Я не придавал этому никакого значения, вернулся в деревню, просидел там еще около трех недель и в самом начале августа выехал в Гомбург, без остановки в Берлин. В половине августа, 16-го или 17-го числа нового стиля, подхожу я к источнику пить воду, навстречу ко мне идет Столпаков и показывает 3-ье Прибавление к Франкфуртской газете, в котором напечатано известие из Петербурга о назначении Витте Председателем Комитета Министров и о замещении его в должности Министра Финансов Э. Д. Плессе.

Прямо от источника, не заходя домой, я прошел на телеграф и послал горячую приветственную телеграмму моему другу и товарищу детства, желая ему самым искренним образом успеха на трудном посту. Прошло два дня и ответной {10} телеграммы от него не было. Только ночью второго дня, когда все спало мирным сном в тихом и уютном Гомбурге, я проснулся от сильнейшего стука в калитку виллы Фелль, в которой я занимал комнату в нижнем этаже с выходом прямо в сад.

Никто не выходил на стук, я встал, надел халат и вышел в сад. Оказалось, что давно уже напрасно добивается открытия калитки посланный с телеграфной станции для передачи именно мне двух депеш, — одной простой, другой срочной, которая и оправдывала, собственно говоря, ночную доставку, так как по правилам того времени, телеграммы доставлялись на дом только до 9-ти часов вечера. Первая депеша была от Плессе с выражением самой теплой благодарности за приветствие и надежды на помощь в трудную минуту, а вторая — от моего товарища по должности Государственного Секретаря, Барона Икскуля, с извещением, что с Председателем Государственного Совета Великим Князем Михаилом Николаевичем случился удар, что его жизнь в опасности и что, по совету многих близких мне людей (я понял, что дело идет о Гр. Сольском) мне необходимо немедленно приехать в Петербург и получить от кого следует (то есть Государя) соответствующие указания.

Вечером того же дня, я выехал в обратный путь, предварительно попросивши того же Бар. Икскуля предварить жену о моем приезде.

Помню хорошо, что я приехал домой в воскресенье; в то же утро, несколькими часами раньше меня, приехала жена из деревни, и мы сидели дома, когда около трех часов к нам приехал в мундире и ленте Э. Д. Плессе, делавший в этот день официальные визиты. День был очень жаркий и душный.

Когда он вошел ко мне в кабинет, мы оба с женою не могли удержаться от вопроса, что с ним, настолько нас поразил его внешний вид: бледный с бескровным лицом, покрытый потом, он едва держался на ногах и с трудом опустился в кресло, ища, какого-то положения, при котором он меньше бы страдал. Он ответил нам, что устал от разъездов по городу и его окрестностям, но что это только минутное утомление, которое, вероятно, скоро пройдет. Тут же он рассказал нам, как состоялось его назначение, которого он никак не ожидал, как не ожидал своего увольнения Витте, несмотря на то, что разговоры об этом уже ходили в городе. До меня они не дошли. Я помню хорошо этот рассказ и воспроизвожу его со всюю точностью, так как он {11} представляется во всех отношениях весьма характерным. Вот как передал мне покойный Плессе этот инцидент.

В конце июля, он доложил своему Министру, что никогда не бывал в Сибири и находил крайне полезным для дела побывать там и направить работу Отделений Государственного Банка, в которых замечалось чрезвычайно резкое повышение всех активных операций, под влиянием

большого оживления всей экономической жизни края. В особенности его заботил личный состав Отделений, мало приспособленный к новой обстановке. Жаловался также торговый класс на то, что Государственный Банк мало реагирует на требования жизни и на то, что частные банки пользуются этими недостатками и жмут торговлю своими тяжелыми условиями.

Витте отнесся к этому предположению очень сочувственно и поставил только два условия: чтобы поездка произошла одновременно с его собственным отъездом на юг и не заняла более одного месяца, так как к началу хлебной кампании он желал бы, чтобы Плеске вернулся из поездки. Предположение это было доложено им Государю, не встретило никаких с его стороны возражений, и Плеске стал готовиться к отъезду, около 15-го августа. Все было уже приготовлено, найден удобный салонный вагон, подобраны спутники из состава ближайших сотрудников по Государственному Банку, испрошены путевые пособия и оставалось только выждать отъезда Министра и отправиться в путь следом за ним.

Поздно ночью 14-го августа, когда все на парголовской даче Плеске спало уже мирным сном, раздался стук в двери, и появился курьер Министра Жуковский с запискою Витте, набросанной карандашом: «сейчас получил приказание Государя привезти Вас завтра с собою на доклад. Будьте на Петергофской пристани к 9-ти часам».

Пришлось разбудить прислугу, послать в город за мундиром и только под утро удалось все наладить, так как передвижение между Парголовым и городом на лошадях потребовало немало времени. Во время совместной с Витте поездки на пароходе Плеске ничего не узнал, так как Витте сказал ему только, что вероятно Государь желает видеть его перед его отъездом в Сибирь, так как всегда интересуется Сибирью, тем более, что и сам Государь собирается через несколько дней выехать в Крым.

Тут же Витте повторил Плеске, что просит его постоянно сноситься с ним по телеграфу шифром и сказал, что Путилову (Директору Общей Канцелярии) передано уже распоряжение {12} о снабжении его новым шифром. Во время доклада Витте Государю, Плеске сидел в маленькой приемной с дежурным флигель-адъютантом и вел самый обыкновенный разговор. Доклад длился очень долго и собеседник Плеске заметил даже: «как бы не задержал Ваш Министр Государя с завтраком, этого здесь не любят».

Витте вышел из кабинета Государя с весьма смущенным лицом, подал Плеске руку и сказал ему только: «я подожду Вас на пароходе». Когда Плеске вошел в кабинет, Государь посадил его против себя к окну и без всякого вступления, самым простым тоном сказал ему: «Сергей Юльевич принял пост Председателя Комитета Министров, за что Я ему очень благодарен, и Я решил назначить Вас Управляющим Министерством Финансов».

Смущенный такой неожиданностью, Плеске несколько времени молчал, а затем сказал, что он не имеет достаточно слов, чтобы выразить свою благодарность за оказываемое доверие, но очень опасается, что не сумеет его оправдать, так как здоровье его очень плохо, да он и не обладает многими свойствами, без которых пост Министра ему будет не под силу. На это Государь сказал ему: «Но Вы обладаете тем преимуществом, которым не обладают другие — моим полным к Вам доверием и моим обещанием во всем помогать Вам. Я думал сначала дать Вам возможность побывать в Сибири и назначить Вас уже после Вашего возвращения, но так будет лучше, Вы успеете съездить в Сибирь и в

качестве Министра, когда сами выберете подходящий момент».

Никаких разговоров больше не было, и Государь простился со словами: «до будущей пятницы, после чего Я сам скоро уеду на отдых в Крым».

На паровой пристани Плеске застал Витте мирно беседовавшим с кем-то из моряков, но когда они вошли на яхту и сели в каюту, Витте не удерживался более и разразился, нисколько не скрываемым неудовольствием. Плеске не передал мне отдельных слов и выражений, но я хорошо помню из его рассказа, что Витте и не подозревал об увольнении его от должности Министра и совершенно не был к этому готов.

Он сказал Плеске, что весь его очередной доклад был выслушан с полнейшим вниманием, все одобрено и утверждено. Витте закончил все очередные вопросы испрошением указаний решительно обо всем и представил Государю отдельный экземпляр Шифра для сношения с Ним во время пребывания Его в Ливадии и просил разрешения телеграфировать по всем срочным {13} вопросам и уже собирался встать и откланяться, как Государь, в самой спокойной и сдержанной форме, сказал ему: «Вы не раз говорили мне, что чувствуете себя очень утомленным, да и немудрено устать за 13 лет. Я очень рад, что имею теперь возможность предоставить Вам самое высокое назначение и сделал уже распоряжение о назначении Вас Председателем Комитета Министров.

Таким образом, мы останемся с Вами в постоянных и самых близких отношениях по всем важнейшим вопросам. Кроме того, я хочу показать всем мое доверие Вашему управлению финансами тем, что назначаю Вашим преемником Плеске. Надеюсь, что это доставит Вам только удовольствие, так как Я хорошо помню, как часто Вы говорили о нем в самых сочувственных выражениях, да и со всех сторон я слышу о нем только одно хорошее, его очень любит и моя матушка».

— Вы понимаете — сказал Витте, — что меня просто спустили. Я надоед, от меня отделались, и мне следует просто подать в отставку, что я, конечно, и сделаю, но не хочу сразу делать скандала.

В конце сентября или в самых первых числах октября того же года, под конец нашего пребывания в Париже, мы с женою собирались уже в обратный путь домой. За день или за два до отъезда, — мы жили тогда в Отель д'Альбани, на рю де-Риволи — к нам зашел покойный Я. И. Утин и сказал, что только что встретил на улице Витте, который, узнавши, что я здесь, сказал ему, что очень хотел бы меня видеть.

Я отправился по указанному мне адресу, в Отель Вестминстер на rue de la Paix, где жил и Утин, и спросил консьержа, дома ли Витте. Тот ответил мне, что никакого Витте у них нет но есть господин Еттив (те же буквы, читаемые с конца), — «что, впрочем», прибавил он, — «одно и то же».

Я застал его дома, также как и его жену и его беседа носила характер прямого обвинения Государя в неискренности и самого раздраженного отношения к увольнению его с поста Министра Финансов. На мой вопрос: когда думает он вернуться обратно, он сказал мне, что не принял еще никакого решения, так как ждет некоторых разъяснений о своем увольнении, ибо, — прибавил он, — «до меня доходят слухи о возможности моего ареста по требованию Плеве, благодаря проискам которого я и уволен».

Я старался обратить весь разговор в шутку, в него вмешалась М. И.

Витте и сказала, между прочим, «как Вы должны благодарить судьбу за то, что не попали в Министры {14} Финансов и остались на таком прекрасном, спокойном месте, как должность Государственного Секретаря». Витте прибавил к этому, — «если бы я только предполагал, что меня уволят, я, конечно, указал бы Государю на Вас, как на единственного подходящего кандидата, так как Плеске не справиться и ему все равно сломят шею, да к тому же он тяжело болен и не сможет оставаться на этой должности».

Я нимало не сомневаюсь, что он поступил бы как раз наоборот и ни в каком случае не сказал бы ни одного слова в мою пользу, как не говорил, вероятно, ничего доброго про меня, когда я занимал пост Министра Финансов. Мы расстались на том, что я сказал, что чувствую себя прекрасно на своем месте, никуда не стремлюсь и буду рад помочь Плеске во всем, в чем это окажется для меня возможным, — по Государственному Совету.

Я пробыл в Петербурге только четыре дня, видел за это время Государя, получил от него приказание составить Указ о назначении Графа Сольскаго временным заместителем Председателя Государственного Совета, впредь до выздоровления Великого Князя и вместе с женою выехал за границу, следом за ухавшим в Крым Государем.

Вернулись мы около 6—7 октября и первым моим шагом было навестить Плеске, который показался мне сильно похудевшим, даже против того, как он был при нашем отъезде. Тут же я узнал от него и от моих близких, что в нем очевидно таится какая-то тяжелая болезнь, но какая именно, никто не говорит, и только вскользь кто-то упомянул, что у него по-видимому внутренняя опухоль, которую называли «саркомою».

Так потом и оказалось. Рассказывали при этом, что уже с начала лета он жаловался на какую-то неловкость в левой стороне, избегал ходить, почти отказался от любимой игры с детьми в теннис и как-то в начале августа, еще до назначения его на новую должность, поехал к своему двоюродному брату на дачу в Знаменку и возвращался оттуда в Новый Петергоф на железную дорогу, на его одиночке.

Лошадь чего-то испугалась в парке, понесла, и он и жена его, воспользовались удобно минутою, выпрыгнули из экипажа, сам Эдуард Дмитриевич прыгнул прямо на ноги и тут же почувствовал жгучую боль во всей левой тазовой полости и с той минуты эта боль уже не проходила и усиливалась день ото дня. Он переносил ее со стоическим спокойствием, не показывая близким своих страданий. Знала об них, по-видимому, только его прелестная старшая дочь, Нина, не оставившая своего отца ни на минуту {15} и в уходе за ним потерявшая окончательно свое хрупкое здоровье. Под влиянием страданий, пережитых ею у постели нежно любимого отца, у нее развилась чахотка и через три года после кончины отца не стало и ее.

С возобновлением сессии Государственного Совета, 1-го ноября, Э. Д. Плеске стал было появляться в его заседаниях, но не надолго. Было очевидно, что всякое движение ему просто не под силу. Он не мог подняться по лестнице даже во второй этаж в зал заседаний и пользовался лифтом, которым не пользовался никто, кроме не владевшего ногами Гр. Сольскаго. Скоро начались сметные задания по четвергам, ему видимо хотелось бывать во всех их, по силы не позволяли ему высиживать почти без перерыва с часу до 5-ти и иногда даже до 6-ти и после одного из них меня кто-то из семьи попросил заехать вечером, хотя мы с женою заходили часто в Государственный Банк, — где Плеске все еще

оставался, так как квартира для него в здании Министерства была далеко не готова, да так он в нее и не переехал.

Это мое посещение оставило во мне глубокое впечатление. Я прошел прямо в его спальню. Он попросил свою милую старшую дочь, его бессменную сиделку, выйти на минуту, и сказал мне, что просит меня дать ему дружеский совет, как ему поступить. Он сказал, что чувствует крайнюю необходимость бывать во всех сметных заседаниях, но положительно не видит к тому никакой возможности, так как его здоровье не улучшается, и доктор требует полного отдыха, запрещая вообще какие-либо выезды.

У него явилась, поэтому, мысль написать об этом откровенно Государю, высказать, что без личного участия Министра нельзя вообще составить бюджета, и потому он вынужден просить освободить его от должности, которую он не может добросовестно занимать и позволить себе даже высказать откровенно, что в моем лице Государь имеет человека гораздо более подготовленного, чем он.

Я просил его не делать этого и, во всяком случае, не упоминать обо мне. «Два месяца тому назад» — сказал я — «у Государя была возможность выбора лица по его непосредственному усмотрению, и он остановил свой выбор на нем, а не на мне. — Очевидно, под влиянием временного недомогания — я не знал еще, что болезнь его безнадежна, — Государь не согласится отпустить человека, к которому Он питает доверие, и нельзя ставить Государя в тяжелое положение, в особенности когда он только что приехал на отдых».

Я предложил ему, поэтому, пока ничего не делать, перестать ездить в Совет, {16} написавши об этом только Гр. Сольскому, которого я обещал расположить в пользу такого решения и — располагать мною во всем, в чем я могу быть полезен ему для сметных заседаний, так как его Товарищ Романов действительно не годится для проведения бюджетных заседаний. Что происходило в душе этого скрытного, но утончено благородного человека, я конечно не знаю, но думаю, что он уже и тогда чувствовал безнадежность своего положения и только не показывал окружающим. Он обнял меня, благодарил за совет и за готовность помочь, обещал подумать, прося меня ничего пока не говорить Гр. Сольскому.

Несколько времени спустя, я узнал в разговоре с женою Э. Д., что он получил от Государя крайне милостивое письмо, с выражением ему полного Своего доверия, с просьбою беречь себя для будущей работы и отнюдь не обременять себя никакими второстепенными делами. Было ли это письмо ответом на обращение самого Плеске или же самостоятельным порывом Государя под влиянием дошедших до него слухов о болезни, — я не знаю, — но уже гораздо позже, как то спросивши Государя к подошедшему слову, — писал ли ему Плеске о своей болезни и просил ли он освободить его от непосильной работы, Государь сказал мне, что он ему писал еще в Ливадию, а на вопрос указывал ли он на желательность заместить его мною, Государь также ясно и категорически ответил мне, что этого положительно не было и обещал даже поискать письмо Плеске, «которое вероятно сохранилось у меня» — сказал он, прибавивши, что «я помню как растрогало это письмо меня и императрицу своею удивительною теплотою и благородством, сквозившим в каждом слове».

По мере того, как подвигалась сметная работа в Департаменте Экономии мне пришлось принимать все большее и большее участие в

ней. Вышло это как-то само собою. Между мною и Гр. Сольским существовали самые близкие отношения. Он просил меня, не стесняясь формальными условиями прохождения смет по Департаменту Экономии, помочь «Романову, которого просто забывают представители Министерств» и припомнить «доброе старое время, когда Вы защищали Финансовое ведомство», и я стал просто во всем помогать Романову.

Не проходило заседания, чтобы он не благодарил меня за помощь, хотя она фактически была оказываема, больше Гр. Сольским, чем мною, ибо последний пользовался огромным авторитетом среди всего чиновничьего мира и мои справки и объяснения принимались {17} только потому, что он их всегда поддерживал. Часто, почти каждый день, я заходил к Плеске, и он всякий раз горячо благодарил меня, а как-то раз, уже в начале декабря, сказал при покойном И. И. Кабате: «мне придется испросить разрешение Государя предоставить Государственному Секретарю давать за меня объяснения и в Общем Собрании по бюджету, так как он составлен и проведен им одним».

Все время до конца января прошло как-то сиром и незаметно. Поговаривали смутно о том, что начинают портиться отношения с Японией; в так называемых кулуарах Государственного Совета все чаще и чаще слышались разговоры о Ялу, о концессии Безобразова, о чем я ничего не знал, но жизнь шла своим обычным ходом, и ничто не предвещало близкой грозы. Среди всяких пересуд, господствовало презрительное отношение к Японии и японцам, и наиболее самоуверенные речи приходилось слышать от Военного Министра Куропаткина, который, ссылаясь на свою недавнюю поездку в Японию, постоянно твердил одно: «разве они посмеют, ведь у них ничего нет, и они просто задирают нас, предполагая, что все им поверят и испугаются».

Столица жила своею обычною жизнью и даже веселилась больше обыкновенного. В Эрмитаже дан был даже, после большого перерыва, придворный спектакль, на котором присутствовал весь дипломатический корпус, не исключая и японцев, явившихся, как всегда, в полном составе. Правда, что с появлением их как-то стали больше переговариваться втихомолку, а во время театрального перерыва, в залах стали собираться группы и из их среды раздавались голоса о том, что из Владивостока пришли какие-то известия о каком-то морском столкновении в Порт-Артуре, но никто ничего толком не говорил, и все разъехались в самом благодушном настроении.

На утро получилось, однако, совсем иное. Газеты сообщили открыто, что на рейде Порт-Артур, без всякого предупреждения, совершенно нападение японскими миноносцами на нашу эскадру, и два броненосца «Паллада» и «Ретвизан» выведены из строя. Война между Россией и Японией началась без объявления ее. Общее настроение было, конечно, полно возмущения от такого явного нарушения обычаев всего света, но никакой тревоги не было. Все смотрели на это как на эпизод, никто не придавал ему никакого значения и презрительные слова «мааки» по отношению к японцам, приправленные полнейшею уверенностью {18} в быстром окончании «авантюры», не сходили с уст. Стали однако, тотчас же принимать нужные меры.

Я не знал в первую минуту, что делалось по Военному Ведомству, но в тот же день — 28-го или 29-го января — Гр. Сольский пригласил меня к себе и решил созвать чрезвычайное заседание Департаментов Государственного Совета, для решения вопроса о пересмотре только что утвержденного бюджета. Работа пошла энергично и в несколько дней